

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Тридцать дней без сна и еще три дня —
Прежде, чем узнать, кто ты для меня.

Ты и цель, и путь,
И воздух, и грудь,
Ты и сон, и явь:
Что любо — представь!

Времечко, успеи расстелить траву:
Три да тридцать дней — как переживу?

Ты и перст, и крест,
Колокол окрест,
Капля и купель,
Ласковое «Л»...

Тридцать дней и три — бдеть мне до зари:
Взрыв! — мечтать навзрыд — и ответный взрыв!
Вихрь — упругий, рви! — и ответный вихрь!
И озноб во мне,
И огонь во мне.

Ты
Тропа и след,
Тот, кого здесь нет,
Русло и река,
Музыка — и рука...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Лежу, не открывая глаз,
И луч теплом ласкает веки.
Я будто вижу сон о вас,
О драгоценном человеке.

Юлия Геннадьевна Пикалова окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии. Живет в Москве.

О, этот любопытный луч!
Он видел вас. Ему поручен
Рассказ от ваших глаз — и ключ
От ваших кромок и излучин.

Он видел вас. Его рассказ
Был нежен. Нежен, но настойчив.
Он говорил: иди сейчас,
Уже довольно многоточий!

Он говорил: иди к нему,
Уже довольно недомолвок! —
И рассыпал в моем дому
Блистанье крупного помола.

Он мне заглядывал в глаза,
Он золотил мои ресницы
И убеждал, что ждать — нельзя,
Что дальше мне — воспламениться!

О, что за лучник в сердце мне
Попал, все прежнее свергая?
Я будто вижу сон во сне,
И явь — во сне, и я — другая!

Всхожу по тонкому лучу,
И повторяю ваше имя,
И больше истины хочу
Коснуться ваших губ своими...

ВОЗГОНКА

Крученье (сердца извлечение),
Крученье (жилы, кости — в жгут!),
Крученье: пряное перченье,
И под котлом поленья жгут.

Начнут крутое кипяченье
(Мельканье пальцев — плеч — ключиц),
И будет — чувств разоблаченье,
И с пышным паром — излученье,
И облученье, обреченье:
О страх сердечный — отключись!

А пар пусть совлечется в тучи
И мир напоит допьяна.
Кручина, горной кручи круче,
Ты *будешь* преодолена!

Кручина, что крушины горше,
Тебя возгонят на верхи:
Из соли слез, из жил и кожи
Выходят лучшие стихи!

У ЧЕРТЫ

..Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
А. Ахматова

На краю. На грани. На кромке.
(Бьется голос в гортани ломкий.)
Руки вытянув в темноте,
двое – мы – чем только влекомы? –
безошибочно незнакомы,
с двух сторон подошли к черте.

Так бывало в мире и прежде.
Век Двадцатый, сто лет надежды
и крушений надежд в пыли
лишь утроили жизни жажду:
недошедшие, видно, страждут,
чтоб потомки за них дошли.

Будет каждому да по вере.
Не доехали двое в Веймар:
не хватило веры – кому?
Нам – достанет веры и нерва.
Так давай смутим Двадцать первый,
чтобы жарко стало ему!

ТВОРЦАМ-ПЕРВОПРОХОДЦАМ

Заметались метафоры, взгромоздились гиперболы.
Никому не потрафили начинавшие первыми.
Как гранатами –
перлами забросали империю:
Всеми горлами –
жерлами –
заостренными перьями –
Прямо в лица степенные!
Прокричав эпитафию,
Только тонкое вспенили.
Строй разбит.
Не потрафили.

Строй – разбит?
Строки стройные – и неважно, что рваные –
Ворвались, бесконвойные, в поколенья диванные,
И на выход – за шиворот!
И – на воздух искрящийся!
Хватит неудержимую жизнь засовывать в ящики!
Тихо время скользило бы... объяснялось бы знаками...
Хватит душ прорезиненных!
Хватит лиц одинаковых!
Чтобы зори свирелями переполнить успели мы,
Все горе- и горели вы, начинавшие первыми.

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР

П о л о н и й. Что вы читаете, мой принц?
Г а м л е т. Слова, слова, слова.

Письма в письмах, роман в романе, утка в зайце, игла в яйце.
Кончик жизни чужой поманит, чертовщинкой мелькнув в лице.
(Маска в маске – какие лица? Имя в имени, кот в мешке...)
Быль сливается с небылицей,
и дрожит в небесах синица,
и доверчив журавль в руке.

Расслоение ли сетчатки или мира слои, слои?
Где же львы (орлы, куропатки)? Где же вы (чужие, свои)?
Различая, разоблачая, не лишиться бы волшебства!

Совпадения все случайны. Не случайны слова, слова.